

КАПКАН

Посёлок Лапри - базовый лагерь строителей дорог. Сюда в преддверии нового года с дальних участков съезжаются рабочие...

Короток зимний день. Не успеешь оглянуться – смеркается. Оглушительно затарахтев завёлся дизельный генератор и в местном клубе вспыхнул яркий свет.

- Раз – раз – раз – раз ! - Местный киномеханик настраивает микрофон, включает проигрыватель.- Мы рождены, чтобы сказку сделать былью! - Над рядами щитовых домиков гремит архаичный марш. Гудит человеческий улей. Трещит по швам баня срубленная из толстых стволов лиственницы...

В окнах крошечных квартирок сверкают нарядные ёлочки. Льётся шампанское. Звучат тосты.

– С Новым годом! С новым счастьем - слышится женский смех.- Пусть всё плохое останется в Старом году. А Новый - пусть будет годом сбывшихся надежд! – Из общественной столовой звучит модная латиноамериканская «Макарена».

В тёмном зале пестрящемся от радужной цветомузыки мелькают фигуры пляшущей молодёжи.- Через несколько часов наступит Новый год. Что он сулит? Кто его знает? Станет жарко. Закружится голова. Выскочишь на улицу мороз пробирает до костей. Зайдёшь в тайгу на сколько хватит духа, оглянешься – тени причудливые. Тишь да благодать! Только иногда дерево затрещит да рухнет снег с уставшей ветки...

- Тревожно что-то ! А вдруг шатун?- Быстро улетучится хмель.- Скорее к людям, к теплу и свету. –

- 1 -

В тесной кабине пахнет ветошью. Тепло и потно. За рулём водитель Абдурахмон по прозвищу «Бабай». Большие дублённые руки с сетью мазутных трещин крепко держат баранку. Пальцы поросли редкой шерстью. Под искореженными ногтями синяя кайма. Глаза узенькие, острые как бритва. Круглое монголоидное лицо украшают чёрные усы сросшиеся с густой бородой. За окном, на обочине мелькают кучи песка, да искрится свежий снег. Яркий свет фар то скользит по замершим вдоль дороги деревьям, то упирается в отвесную стену, то проваливается в чёрную бездну. На подъёме, огибая лысины крутых сопок, дорога сужается. Машина, скользя и замирая, на обледеневшей трассе настойчиво ползёт вверх. Когда колёса начинают буксовать, водитель выпрямляет затёкшую спину, чертыхается на родном языке, хмурится, стискивая губы в куриную гузку. Грузовик, как будто бы, чувствуя настроение хозяина, трясётся мелкой дрожью, сердито пыхтит и, усиленно дымя, вновь карабкается в гору.

Третий год Абдурахмон в Сибири. Много трудных дорог за спиной и эта ещё не самая худшая. Но не дороги волнуют его сейчас. Сдав заказчику очередной груз он торопится домой. В свой маленький посёлок. Мысли обгоняя машину, спешат туда, где с нетерпением ожидают его уютная комната, праздничный стол и близкий человек.

Познакомились они в прошлом году. Её зовут Валентина. Валя - повариха. Их отношения сложились сами собой. Абдурахмон питался в столовой. Частенько виделись. Поначалу ни к чему не обязывающие «здравствуй и досвидания» А дальше – больше. Чем-то пришёлся ей по душе. Всякий раз пыталась положить и суп погуще и кусок лакомее.. А когда было мало клиентов подсаживалась рядом и сложив свои пухлые руки на краешке стола участливо смотрела как он ест и расспрашивала о родне оставшейся в далёкой Средней Азии, о семье и детях. Шефство нравилось Абдурахмону и он стремился обедать именно в те часы, когда Валентина стояла на раздаче. Окончательно они сблизились на празднике в честь «Дня автомобилистов» В тот день было шумно и многолюдно. Пришёл и директор автобазы с супругой. Председатель месткома поздравил собравшихся с профессиональным праздником. Сказал несколько слов об успехах и задачах на будущее. Затем прочитал приказ о поощрении добросовестных и исполнительных водителей. Абдурахмону, как и большинству хороших шоферов денег в конверте не дали. Он получил только похвальную грамоту. После торжественной части началось бурное застолье. Жадно и много ели, много пили. Играл ансамбль из местных звёзд. Скакала и резвилась молодёжь. В редкие минуты, когда оркестр перекуривал и сцена пустела, выходил баянист. И под сводами пышущей жаром столовой плыли нежные звуки вальса. На освободившееся в центре зала пространство выплывали сияющие мамы семейств, в надетых по случаю праздника красочных нарядах, в сопровождении лоснящихся от обильной пищи и алкоголя мужей. Некоторые вообще не танцевали. Они прилипли к столам. Пели вразнобой «Хазбулата». Ожесточённо спорили, кричали. Били кулаками по столу. Пили на брудершафт, обнимались и целовались. Абдурахмон не танцевал. Он был обижен и спрятавшись в тени большого фикуса, острыми глазками сверлил начальство.

- Обошли... Работал честно. Не халтурил. Всегда говорил « Хоп! Будет сделано.» Ладил с начальством. На кануне бригадиру поллитра занёс. А в награду получил бумажку. Зачем мне эта бумага? Что мне с ней делать в кишлаке? А вот Терещенко получил денежную премию. Вместе приехали, вместе живём, одинаково работаем, ему деньги, а мне бумажку. Где справедливость? - Тем временем Терещенко в обнимку с бригадиром встали из-за стола. - Хитрый хохол! --Думал Абдурахмон,- нашёл таки путь к сердцу начальства. -Здесь то и нашла его Валентина. Она дружелюбно поздоровалась и поздравила с наградой. В ответ Абдурахмон кисло

усмехнулся, но в душе обрадовался её словам. Вначале они скованно и неумело танцевали, затем уединились. Изрядно выпили и разговари-

лись. Каждый о своём наболевшем. Вале тина приехала в эти края с матерью ещё юной девчонкой, в поисках сосланного отца. Отца не нашли. Мать умерла. Пошла работать в общепит. Не отличаясь яркой внешностью замуж не вышла. Правда, пока была молода за ней ухаживали, но всерьёз никто не принимал. И она привыкла к своему положению быть на подхвате у местных гуляк...

Вечеринка затянулась допоздна и, когда изнемогшая публика наконец покинула столовую, Абдурахмон помог женщине убраться и пошёл провожать.

Посёлок спал. Огромная с розовой поволокой луна оседлала Большой перевал. На чистом чёрном небе искрились весёлые звёздочки. То ли сказочность осенней ночи. То ли выпитое вино настроило их на тот доверительный лад, когда хочется выплакать свои тревоги, сомнения и обиды первому встречному, который согласится выслушать.

Только под утро они усталые и глубоко удовлетворённые друг-другом подошли к калитке.

Посветлевший на востоке горизонт вытеснил ночной мрак. Когда погасли звёзды и проявились силуэты домов, стоящих друг против друга Абдурахмона и Валентины, продрогшая женщина пригласила мужчину в дом - выпить чаю и согреться.

К вечеру того же дня Абдурахмон перевёз свой чемодан из общежития к Валентине - Ах ты? Ох ты! Дура какая! Чурку в дом привела - Целую неделю местные кумушки шушукались, пристально рассматривая азиата. Но жизнь шла своим чередом и вскоре все к этому привыкли.

2

С тех пор прошло полтора года. Контракт Абдурахмона с автобазой заканчивался. Его ещё так недавно казавшаяся недостижимой мечта была близка к осуществлению. Деньги заработанные на мечту лежали в укромном месте. Ещё немного и домой в родной кишлак. С лица Абдурахмона не сходила блаженная улыбка. Приятные мысли волновали его воображение. Он представлял, как сразу по приезду купит себе машину, построит новый дом, И на зависть всем кишлачным злопыхателям сыграет сразу две свадьбы в один день. Женит сына и выдаст дочку замуж. Разве не ради этого он приехал в эти дикие необжитые края? Разве не ради этого он копил каждую копейку отказывая себе в самом необходимом? Всё ради мечты! Ради того, чтобы доказать всем, что и он нищий Абдурахмон может построить новый дом, купить машину и закатить свадьбу на весь кишлак. Что ещё кроме богатства и изобилия достойно уважения, восхищения и зависти его земляков? -

Живя с Валею он стал опрятнее, вошёл в тело и даже немного помолодел. Не лишённый обаяния, смуглый, коренастый и крепенький азиат выглядел значительно моложе своих пятидесяти лет. И теперь заходил в столовую только с чёрного хода.

Накануне нового года Абдурахмон поехал в соседний распадок, срезал пушистую ёлку и весь день старательно украшал её самодельными игрушками, которые тут же рядом с ёлкой и мастерил из фольги, ваты и цветной бумаги. Даже кое-где автомобильные лампочки приладил. Нарядная получилась ёлочка. Однако тридцатого декабря его неожиданно вызвали в контору. Предстоял малоприятный рейс на Ньюджу, где жил десант мостостроителей. Всю неделю начальник участка просил местное руководство завезти на новый год свежие продукты.

- Я же отработал норма. У меня законный отгул – Абдурахмон попытался было сопротивляться. – Завтра праздник. Находите другой шафёр.-

- Да! Правильно говоришь Бабай.- Уговаривал диспетчер -Завтра действительно праздник!Завтра новый год. А людям там жрать нечего. Понимаешь? Ты же хороший мужик. Помогии..Я же не за себя прошу! –

- Почему Бабай? Почему я? Другой тожи отдыхает. Вон Терещенка свободный. Я всегда говорю хоп ладно, не халтур-малтур, не пьянчуг. Зачем сесть на мой голова?.

- Ну да! – Почесал затылок диспетчер, - Есть тут один шофёр.Зелёный ещё - дорогу не знает.Время зимнее. А там сплошные сопки и серпантины.Не дай бог что случится. Да что это я тебе объясняю! Сам всё знаешь.Давай, Бабай, выручай! Ты же у нас передовик.За что тебе грамоты даём?

- Зачем мне грамат кишлаке? Пускай Терещенка едит. -

- Он спит.Пьяный чёрт! Мы ведь сначала его хотели отправить. Давай, выручай.Кроме тебя некому ехать.-

Лесть подействовала на Абдурахмона.Однако, сохраняя недовольную мину он всё ещё делал вид, что сопротивляется.И в конце-концов окончательно рассердив диспетчера, нехотя произнёс:

- Хоп ладна.А атгул даёшь? – Да о чём разговор? Будет тебе отгул.Первого и второго твои законные праздники,а третьего отгул. –

На том и порешили.Зная, что время не терпит,Абдурахмон быстро загрузился, принял почту,оформил путевой лист и подъехал с чёрного хода к столовой. Здесь в маленькой подсобке он плотно поел и пообещал встревоженной Вале вернуться к завтрашнему вечеру. Нашлись и попутчики – два МАЗа ехали к оленеводам.И уже через пол часа маленький караван был в пути.

Засветло миновали трудный участок пути и в полночь решили передохнуть.Развели костёр на обочине,разогрели тушонку. Выпили спирта, торопливо закусили и гонимые жгучим морозом разбрелись по тёплым машинам.И только на рассвете,когда на фоне светлеющего неба проступили пили силуэты стоящих на обочине деревьев, вышли в путь.

Утром Абдурахмон оторвался от спутников и поехал по скованной толстым льдом реке.Вскоре машина выскочила из стремнины и из тумана проявились вагончики, беспорядочно разбросанные в распадке, между подножиями соседних сопки.Здесь работал небольшой отряд мостовиков,заброшенный на вертолёте с осени.Его ждали с нетерпением.Навстречу грузовику на лёд с шумом и криками выбежала дюжина рабочих .- Бабай! Бабай к нам приехал!-

В их обветренных, бородатых лицах было столько неподдельной радости, что Абдурахмону стало приятно : Ведь именно он привёз им эту радость. Ребята дружно выгрузили ящики. Завмаг, тощий кавказец с полным набором золотых зубов, придирчиво осмотрел их содержимое и подписал накладные.

Осталась корреспонденция, пока Абдурахмон думал кому бы её сбить, подошёл начальник участка Василий, коренастый широкоплечий парень, чисто выбритый в отличие от других. Он крепко пожал руку шофёру, подписал путёвку и забрал почту.

- Молодец ! Задание выполнено. Теперь, чтобы не ехать порожняком загрузи пустую тару.-

Когда рабочие погрузили в кузов всевозможные пустые ящики, а Абдурахмон заправив машину и плотно пообедав в местном котлопункте, направился было к своему грузовику его окликнул Василий .

– Эй Бабай! Куда собрался? –

- Дом ехать нада! –

- Ты что-ли сумасшедший? Завтра транспорт пойдёт со стойбища с ними в колонне и поедешь. -

- Хоп ладна! -

Таковы были негласные правила. Ездить в зимней тайге в одиночку, да ещё через крутой перевал было небезопасно. Тем ни менее, успокоив начальника своим «хоп ладна»

Абдурахмон дождал некоторое время и, когда Вася скрылся в конторе завёл машину и покинул строителей Миновав гладкий лёд застывшей реки он вышел на грунтовую дорогу и здесь остановившись у обочины решил всё же дожидаться попутчиков. - А вдруг, кто поедет?- Но время шло и никто не ехал. Слабая надежда на попутные машины рассеялась. - А будь, что будет! Поеду , - Абдурахмон вышел из кабины, попинал свои новенькие шины и убедившись в их надёжности включил передачу. - Бисмилло Рахмону Рахим! Во имя Аллаха милостивого и милосердного ! Пусть дорога моя будет безопасной! О Аллах Великий и Всеведующий ниспошли удачи своему жалкому рабу! - Омин! Аллаху Акбар!

3

Становой хребет. На сотни километров он тянется. Луна светит, белеют плешины сопки. Между ними дорога змеится. Тайга замерла в зимней спячке. Слышен шум далёкого двигателя. Он приближается, растёт, набирает силу. Это грузовик Абдурахмона. Окаменевшие от мороза деревья раздвинули свои тесные ряды и пропустив дерзкую механическую букашку, вновь погрузились в глубокий сон. Ещё долго слышится шум мотора. Вот он наконец стих, растворился в белом безмолвии. Звёзды мерцают. В призрачном сиянии петляет и струится дорога. Ревёт усталый двигатель

В черном древесном коридоре мечется свет автомобильных фар. Старые «Командирские» часы на руке водителя показывают полночь. Абдурахмон доволен собой.

– Надо было сразу ехать, - не ждать никого, - думал он с усмешкой, - только зря время потерял. Наверное уже был бы дома. - Мысли о близком доме тепле и уюте радовали шофёра. Только немного тяготило то, что не купил нового днего подарка Валентине. На прошлой неделе он долго приценивался к одной вещице, но так и не купил. Уж больно дорогой показалась. Впопыхах забыл и о багульнике. Хороший, подарок и даром. Сколько раз проезжал мимо. Сойти бы и нарвать. Прямо перед носом. И карабкаться никуда не надо. Но как-то всё было недосуг. Конечно и сейчас не поздно. Вот они укрытые снегом заросли кустарника. Можно остановиться и нарвать. Но с наступлением темноты родился страх. Казалось, что кто-то его преследует. И когда машина, пробуксовывая на гололёде теряла скорость, он съёживался, боясь оглянуться, и ждал, что вот-вот чёрная когтистая рука втиснется в заднее окошко и вырвет из кабины. В такие минуты возбуждённо бормотал молитвы, и наконец разогнавшись долго не мог успокоиться. Рейс подходил к концу. Впереди мало-помалу вырос Большой перевал. Это был последний барьер. За ним посёлок - конец пути и тёплый дом, где ждёт не дожждётся Валентина. Сонливость исчезла. Мышцы напряглись. Человек и машина слились воедино и дерзко пошли на последний штурм. Подъём отполированный множеством шин был похож на каток и поэтому на середине пути грузовик выдохся, и несмотря на нетерпеливые понукания хозяина часто останавливался, чихал, кашлял, буксовал, и тяжело вздыхая, метр за метром покорял гору. - Ещё немного, ещё чуть-чуть, - понукал Абдурахмон. - Ну! – Как будто бы он ехал на арбе, а это был ишак, а не машина. До конца подъёма осталась сотня метров. Ещё один изгиб пути и долгожданная вершина перевала будет покорена. Грузовик нещадно трясло и мотало из стороны в сторону. Надсадный вой мотора разрывал ночную тишину.

- Ну !.. Ну... ! Ещё ! Ещё немного! - Сквозь стиснутые зубы бормотал водитель. Однако после очередного кашля вдруг заглох мотор. – Бисмилло Рахмону Рахим! – Включив ручной тормоз и боязливо озираясь он выбрался из кабины и увидев, что шины едва заметно скользят вниз, забрался в кузов за инструментом. И через несколько секунд уже попеременно орудовал киркой и лопатой. Выдолбив углубления на льду, по ходу движения шин, подложил конусообразные чурбаки. Шины наехали на дерево и машина замерла...

Дул пронзительный ветер. Лицо и уши задубели. Холод пробирался в самую душу. Абдурахмон опять вскарабкался в свою тёплую кабину и немного согревшись, распустил ушанку, вынул из бардачка тёплые рукавицы и вновь принялся за работу. На обочине выстроились кучки песка запорошенных снегом. Их и следовало разбросать на дорогу перед колёсами грузовика. Песок был старым и смёрзшимся и сопротивлялся с железобетонным упорством. Посопев несколько минут и ничего путного не добившись он перешёл к соседней кучке. К счастью эта поддалась под ударами кирки и очень скоро

комья земли полетели под колёса. Работа зашпорилась. Абдурахмон вспотел, морозный воздух разрывал ноздри и обжигал лёгкие. Он часто и тяжело дышал, но продолжал упорно орудовать киркой и лопатой. И вскоре песок чёрной кляксой окружил грузовик.

– Всё! Хватит! – Швырнув инструменты в кузов, влез в кабину и грузно опустил на сиденье. И долго отдыхал. Но вспомнив о багульнике снова нырнул в морозную ночь. На откосе, повыше того места, где застряла машина, буквально в десяти шагах, чернел заветный кустарник...

Добравшись до растения стал выбирать молодые побеги. Но так и не разобравшись наломал целую охапку. – Дома разберусь! –

Взобравшись в кабину Абдурахмон сложил перед носом открытые ладони и стал, молиться Аллаху. Хотя он, как и его односельчане не был большим знатоком ислама, а если быть откровенным, мало что понимал из заученных наизусть молитв, нагрянувшая беда сделала его слова искренними и задушевными. Он долго прославлял мудрость и справедливость создателя и в конце своего обращения к богу попросил ниспослать ему удачи в преодолении перевала...

- Ну, кажется, сделано всё необходимое, чтобы наконец-то добраться домой. Поехали! – С полу оборота завелся и загудел передохнувший мотор, завертели колёса. Грузовик затрясся мелкой дрожью и тронулся, но выехав из песчаной кляксы вновь забуксовал и становился. Абдурахмон стал изрыгать проклятья на своём языке. Ему хотелось всё бросить и уснуть прямо здесь. Но на перевале, под большим уклоном и со скользящими под откос шинами это было не возможно. Поэтому ему пришлось вновь покинуть тёплую кабину, выйти в мороз, лезть в кузов за инструментом и долбить гололёд..

Абдурахмон считал себя бывалым человеком и опытным шофёром. В молодости он проходил срочную службу на БАМЕ - водителем стройбата и ему не впервой приходилось выбираться из таких передряг, но было досадно и обидно, что это с ним случилось именно на новый год. Именно тогда, когда он пообещал Валентине вернуться и вместе отпраздновать новый год...

Стрелки часов подходили к первому часу ночи. Мучило запоздалое раскаяние. - Лучше бы остался с десантом, встретил бы там новый год. Ночь провёл бы в тёплом вагончике, дождался бы шоферов со стойбища и вместе колонной поехали бы домой. Теперь уже спешить некуда. Новый год наступил. Наверное Валя спит. Нужно успокоиться и отдохнуть, а утром всё решится. - Уложив чурбаки под задние колёса, Абдурахмон вернулся в кабину, достал мешочек с хлебом, термос, тушонку. Расстелил кусок старой газеты. Почистил чеснок, вскрыл банку, с трудом отрезал ломоть чёрствого хлеба, круто посолил своими заскорузлыми пальцами и стал неохотно жевать. Чаю было мало, жирное застывшее мясо с трудом пролезало в горло. А воображение рисовало уютную комнатку, праздничный стол. Валя должна была приготовить пельмени и пожарить курицу. Специально к празднику были куплены сыр сервелад, красная рыба и копчёное сало. Открыли банки с соленьями. Заманчивая картина. Рот наполнился слюной и сухомытka легче глоталась. И ко всему этому была куплена хорошая водка. При мысли о водке

он встрепенулся. Под его сиденьем лежала фляжка чистого спирта. Как же мог забыть об этом? Абдурахмон извлёк из под себя армейскую флягу. Взболтнул перед своим носом и плеснув прямо в чай мечтательно задумался.

Наступающий новый год сулил ему многое. Весной он должен был вернуться на родину в свой кишлак. К семье, к детям. Прошло три долгих года с тех пор, как он уехал на заработки. - Вот приеду, - думал он, - и в первую очередь куплю себе машину. Дай-то бог, чтобы это сбылось! – Чокнувшись со своим отражением на ветровом стекле залпом осушил кружку, сморщился и торопливо закусил чесноком. Тепло мелкими волнами разлилось по телу. Стало легко и хорошо. Позабылись и дорога и неурядицы последних дней. Всё это по сравнению с тем чего он достиг казалось такой мелочью, что и не стоило ломать голову. – Потом построю новый дом. Конечно он не Будет таким дворцом, как у председателя сельсовета, но всё же получше, чем у многих односельчан. За это надо выпить. - Он снова смешал спирт с чаем чокнулся о стекло и выпил.

- Потом надо будет сыграть свадьбу. В один день женить сына и выдать дочь замуж. Одну обильную свадьбу на двоих. И пригласить на свадебный пир весь кишлак. Пусть люди увидят и позавидуют его расточительству и долго будут с восхищением об этом судачить. Что и он Абдурахмон не хуже других, а в чём-то может быть даже и получше. Разве на этом свете есть, что-то более важное чем богатство и достаток? И разве не в этом смысл человеческой жизни? – Абдурахмон захмелел. Неприятно беспокоило потное бельё.

Хотелось раздеться и как следует расчесать спину, плечи, руки. – В баньку бы? Давно не был. - Общественная баня работала два раза в неделю. В субботу её осаждали женщины с тазиками, а по воскресным дням - длинные очереди мужчин. Занятый работой Абдурахмон не мог пробраться туда, а когда ему это удавалось мылся и парился за весь месяц. Там же брился, стирал грязное бельё, огрызаясь на едкие замечания окружающих. А когда жаловались банщице – ругался с банщицей. Эта баба – яга упорно не хотела понимать его холостяцкое житьё и как заезженная пластинка твердила, что из-за его стирки воды не хватит другим. Слава Аллаху и эти дни миновали. Перебравшись к Валентине нашёл специалистов соорудил крошечную баньку и пристрастился к берёзовому венику. Заставляя Валю хлестать и хлестать своё разгорячённое тело пока с веника не опадали листья. Накануне своей поездки нарубил дров и наполнил баки свежей водой. Хотелось чистым встретить новый год. Сейчас, наверное, баня изнывает от пара, ожидая его. От этих воспоминаний тело зачесалось ещё сильнее. Чтобы отвлечься вспомнил о ёлочке, которую украшал. Наверное стоит в уголке с погасшими огнями и ждёт Абдурахмона, а он рядом, за сопкой в пяти километрах от дома сидит потный в этой вонючей кабине.

Двигатель работавший в холостую не грел. Абдурахмон вновь налил толику спирта в кружку с чаем и осушил пойло до дна. И снова ему стало тепло и хорошо. И вспомнил он свою семью и детей. – Что же делается дома? ... Света нет. Газа нет. Угля нет. Спят наверное вокруг тёплого сандала. – А что ещё делать?.. Да там и не принято отмечать новый год с таким вот размахом, как

здесь. Там свои праздники.- Отсюда его родной кишлак казался далёким и призрачным. А может быть и нет его вовсе? И не было никогда.А были этот надоевший снег и вечные дороги.Вспомнил жену свою Гульрух.Худая и, видно, потому расторопная.Всегда озабоченная работой на хлопковом поле и приусадебном участке.Она изо всех сил тянула свою непосильную лямку. Успевая кормить и поить,обстирывать, штопать и растить шестерых детей. Частенько он бывал несправедлив к ней.Обвинял в чрезмерной расточительности, в своих неудачах и бедности. Дети его боялись – бил за малейшие шалости.И если бы не мать,которая своим тщедушным телом заслоняла их от разгневанного отца, кто знает? Выросли бы калеками. Как бы там ни было, дети всё же выросли.Но выросли они злыми и непокорными.Двое старших сыновей уехали на заработки в Россию да там и сгинули.И помощь на которую рассчитывали родители так и не поступила. Поэтому Абдурахмон ,как и многие его земляки занялся торговлей. Однако помыкавшись на опасных Московских базарах решил ехать в знакомые места, где проходил срочную службу. Местное население здесь было более терпимо к азиатам.И за добросовестный труд хорошо платили.Хотя нередко даже татары, братья по вере, издавна живущие в этих местах называли чуркой, но не били, как в Москве.

Тем временем жена и двое младших детей в кишлаке едва сводили концы с концами.И если бы не средний сын ,и дочь на выданье, которые батрачили на городском рынке,семья пропала бы от нужды. В первый год Абдурахмон тосковал по дому и даже попросил жену прислать семейные фотографии, но когда поселился у Вали,семья отошла на второй план.Живы, здоровы и ладно.И вспоминал домашних лишь тогда,когда очень уж долго не получал от них известий. – Может случилось что? – И встревоженный,часто ходил на почту.Однако получив письмо,успокаивался и забывал об их существовании. Как правило, писала жена.Вслед за приветствиями и сведениями о здоровье домочадцев,которое неизменно было хорошим,сообщалось, что от сыновей выехавших в Россию на заработки нет ни слуху ни духу.Потом перечислялись все кишлачные новости..Кто умер, кто женился, кто развёлся.От кого и кто родился.От обилия информации письма приходили пухлыми,на много страниц.Получив очередное письмо,Абдурахмон останавливался, где-нибудь в пути,вооружался очками и читал подолгу, смакуя каждую фразу. Последнее письмо было исключением из общего правила.Оно было в тоненьком конверте и состояло всего из одной тетрадной странички.После традиционных строчек, что все живы и здоровы и,что от старших сыновей нет никаких известий, жена с нескрываемой радостью сообщала, что отелилась корова,которую семья расти- ла с малых лет.Эта новость его обрадовала, но дальнейшие мысли изложенные в письме его расстроили...
-Дочки выросли, - писала жена,- одежда и обувь оставшаяся в наследство от старшей изнасилась.Говорят, что им стыдно ходить в старом тряпье. Нужно купить обновку, девочки

всё-таки, а денег нет. Если продать телку, можно выйти из этого щекотливого положения. Да и молоко можно будет на базаре продавать. Мы скучаем и ждём Вас. Ваша жена Гульрух и ваши дети Хилола и Зилола.

- Продавать или не продавать телку? - Этот вопрос обсуждался с Валентиной два дня. И после бурных дебатов победу одержал Абдурахмон. Было решено «не продавать.» Через пару лет телёнок мог вырасти в добрую корову, а на нужду выслать немного денег. Так потом и сделали. Письма из кишлака и следующие за ними дебаты связанные с семейными проблемами больно ранили Валино сердце. В такие дни, вернувшись с работы, она сворачивалась клубком на старой металлической кровати и тайком плакала. Успев за полтора с небольшим года, исстрадавшейся в одиночестве душой, прирасти к Абдурахмону, она и не мыслила о разлуке. Более того, смирившись с далёкой семьёй, была готова ехать с ним куда угодно. Хотя бы второй женой. Лишь бы жить рядом, чтобы изредка видеться. Долговечного счастья не бывает. День за днём проходили недели, месяцы, приближалась развязка. А Абдурахмон всё отмалчивался. Тогда она делала робкие на мёки, но и они, очевидно, не доходили. А может делал вид, что не понимает? Как узнать чужую душу? Обычно после таких разговоров он хмурился, вздыхал и неопределённо хмыкал. А болезненный чирей, зревший в Валиной душе, так и не прорывался наружу. Видя её терзания, Абдурахмон грубовато ласкал женщину, но ласки лишь обостряли мысль о скорой разлуке и приводили к безутешным рыданиям. Сквозь слёзы, по собачьи преданно она смотрела на Абдурахмона и взгляд её тоскливых опухших глаз кричал.:

«Неужели уедешь от меня?! Бросишь одну?!» Умолял: «Прошу тебя возьми с собой!» Абдурахмон конечно же не мог не чувствовать всего этого. - Валя славная женщина, - думал он. - Но ведь дома жена, взрослые дети, родственники в конце-концов. А что скажет махалля? Пересудов не оберёшься. Да и лишних забот не хотелось. Быть может это и было главной причиной удерживающей от опрометчивых обещаний. Он прятал глаза, тяжело вздыхал и уходил во двор носить воду для бани.

- Наверное и сейчас не спит. - Думал Абдурахмон - Ждёт его не дождётся. Вслушивается в уличные звуки, вскакивает со скрипучей кровати от шума редкого мотора. И прильнув к оконцу тревожно вглядывается в ночь. Приятно, когда тебя ждёт любящая женщина. Стёкла заледенели. В кабине властвовал мороз. Даже спирт не силах был побороть собачий холод. А воспоминания манили к теплу. Поэтому он решил рискнуть ещё раз. Если и в этот раз ничего не получится тогда делать будет нечего придётся подождать до утра. - Чем чёрт не шутит? А вдруг получится! -

На этот раз он уже не разбрасывал песок по всей дороге, для экономии сил носил ведром и сыпал только под колёса. После еды и выпитого спирта Абдурахмон заметно отяжелел и стал быстро уставать. Его чёрная фигура отчётливо выделяющаяся в белом безмолвии медленно и неуклюже шагала от машины к песку лежащему на обочине. И возвращалась назад. Над спящей тайгой надолго повис шум работающего в холостую двигателя, звон кирки и лопаты. Вскоре из-под бампера далеко вперёд, почти к вершине перевала,

протянулись две жирные полосы песка. Закинув инструменты в кузов, задыхаясь от морозного воздуха и обливаясь потом втиснулся в кабину. Отдышался. Протёр стекло перед собой. – Как это раньше не додумался? Главное не сойти с «рельсов» Теперь уж выберусь.- Для пущей убедительности сложил открытые ладони перед носом и прочитал молитву, которую знал с детских лет. – С богом ! Аллах Велик и нет бога кроме Аллаха и пророк его Мухаммад! Омин !. Аллаху Акбар!.. Машина тронулась и довольно легко поползла к вершине. – Ну давай! Ну! Ну! Милая! – Ласково, как живому существу шептал Абдурахмон - Между тем, открылся горизонт. До вершины перевала остались считанные метры. В предвкушении близкой победы нога нетерпеливо нажала на газ. Колёса заёрзали, завихлялись в поисках грунта и сошли на гололёд.- Надо бы остановиться и подложить спасительные чурбаки , - подумал Абдурахмон,- Но нога не хотела его слушаться и упрямо выжимала акселератор. Грузовик затрясся, как припадочный, и вихляя сполз к обочине. Вращающиеся на огромной скорости шины взрыхлили снежную бордюру и разбрасывая по сторонам серую залежалую массу, зависли в воздухе. Машина плавно, опрокинулась набок и заскользила по крутизне вниз. Где то у подножья сопки затрещали сломанные деревья, да зазвенели разбитые стёкла и после этого воцарилась абсолютная тишина.

4

Абдурахмон очнулся от нестерпимого холода. Голова вывалившись из разбитого дверного окна, лежала на шершавом бревне. Ветровое стекло исчезло. В проёме виднелись опрокинутые стволы деревьев и маленький кусочек неба с ослепительной звёздочкой.

Грузовик лежал на левом боку, прислонившись кузовом к плотным рядам старых замшелых елей. Воняло капающим, где-то в моторе бензином.

- Живой! - Обрадовался Абдурахмон,- голова и тело ныли, как после побоев оравы бритоголовых испинавших его однажды в Москве. Где он продавал сухофрукты. Но больше всего болела рука прижатая наружной частью дверцы к древесному стволу, на котором и лежала голова. Попробовал было пошевелить пальцами – вроде шевелятся. Дёрнул руку и сморщился, застонал от боли. Потом, преодолевая боль, потянул ещё и ещё раз. Безуспешно. И заплакал от бессилия.

Тем временем потное бельё заледенело. И нужно было что-то делать. Стал ёрзать на месте, стучать ногами. Растирать свободной рукой щёки, нос, уши. Ничего не помогало. Он стал понимать, что сможет выжить только разведя костёр из пустых ящиков, которыми был забит кузов. Но для этого нужно было любой ценой освободиться от смертельных тисков. Снял сковывающий движения ватник. Двигаться стало легче. Попытался вынуть зажатую руку из рукава ватника. Рука не поддавалась. Только стало нестерпимо больно. Ещё!.. Ещё!... И Ещё!... Нет! Не поддаётся. Измучившись от боли заскрежетал зубами. И вспомнил с какими радужными надеждами приехал в эти края

Вспомнил свою первую поездку по этим необустроенным дорогам. Тогда была весна. В прозрачной синеве паслись жирные ослепительно белые облака. На склонах покрытых снегом сопок расцвёл багульник – напоми навший Абдурахмону цветы весеннего персика и его далёкую родину. Воздух был полон ароматами пробуждающейся природы. Пахло горами цветами, хвоей, талым снегом. Пахло синим весенним небом и облаками. Тогда он был счастлив и полон оптимизма. И ещё он вспомнил с какой тревогой и любопытством он впервые проезжал перед памятниками жертв автокатастроф обычно мелькающими на обочине этих дорог в назидание лихачам. Чаще всего это были обычные могильные кресты, или металлические пирамиды со звёздами на вершинах. – Неужели жертвы аварий тут же и похоронены? – Думал Абдурахмон, но спросить у коллег водителей не решился. Однажды он, даже остановил грузовик, сошёл в низину к подножью сопки, где между лиственницами белел мраморный обелиск. В основанье каменной плиты наискосок, как в кабине машины были вмонтированы руль, рычаг переключения скоростей, педали газа и тормозов. На звёздочку обелиска был накинут бумажный венок выцветший от времени и непогод. Из фотографии вставленной в округлое углубление памятника смотрело молодое улыбающееся лицо. Ниже были выгравированы фамилия имя отчество, даты рождения и смерти. – Совсем мальчик... И ещё ничего путного в своей жизни не совершил. Как мои пропавшие сыновья, – грустно подумал Абдурахмон. Вытер рукавом запылённую фотографию. Присев на корточки прочитал молитву. И зашагал к своей машине. Со временем от старых работников автобазы он узнал, что мальчик сгорел в кабине и от него ничего не осталось, а разбитые горем родители на месте трагедии похоронили его прах.

Как и большинство соотечественников Абдурахмон, был человеком осторожным и рассудительным и предпочитал не высовываться. Иной раз даже в ущерб мужской чести и достоинству. Поэтому и лихачём не был и думал, что его минует горькая судьба. И вот тебе на! – Один только раз нарушил правило и такая страшная расплата. О боже! За что такое наказание? Всю жизнь трудился, как ишак. Еле сводил концы с концами. Жил очень скромно в старой глинобитной хибарке доставшейся по наследству от родителей. Дом не построил! Деревья не посадил! А даже срубил те что были посажены отцом. Они мешали огороду. Заслоняли от лучей солнца грядки с ранними овощами. Зато следуя местной традиции «Дети это богатство!» Детей нарожал. На шесть человек увеличил народонаселение родного кишлака. Но ни одному не справил свадьбу. Не женил сына. Не выдал дочь замуж. И всё только думал это сделать. Копил каждую копейку, порой отказывая себе в самом необходимом. И почему же, когда он наконец – то должен исполнить свой отцовский долг, когда мечта всей его жизни близка к осуществлению он должен умереть? – Абдурахмон взвыл от горечи и досады и изо всех сил стал кричать – Помогите! Помогите! Помогите! Его крики прорезали тайгу и, как камни брошенные в снег заглохли в морозной тишине...

Молчали деревья. Молчали сопки. Молчали звёзды. Покричав ещё некоторое время он жалобно заскулил и в бессильной ярости долго кусал и грыз свою онемевшую руку. После чего заплакал. - О боже пощади меня! Ведь я так немного хочу! - Впервые за многие годы из его глаз текли слёзы Они скользили по заросшим щекам и в бороде превращались в льдинки. После слёз наступило некоторое облегчение. - О боже, воля твоя. Если так тебе угодно? - Абдурахмон смирился с мыслью о скорой смерти. Перестал дёргаться. Но тем ни менее, великая жажда жизни понуждала его - Не спать! Не спать! – твердил он самому себе. - Утром придут люди и помогут. Только не спать! - Между тем ночь не кончалась, а от всех переживаний последних часов навалилась чудовищная усталость и глаза поневоле закрылись...

5

Родина! Как принято здесь говорить - рай земной. Куда ни глянь поля зелёные. Хлеба колышутся, да цветёт хлопчатник. Между рядами стриженных тутовых деревьев пылит новенькое «Тико» За рулём счастливый Абдурахмон. Он, как и мечтал, купил машину и построил новый дом и теперь справляет двойную свадьбу. Женит среднего сына и выдаёт замуж старшую дочь...

Нет больше снега! Нет таёжных дорог! Ничего нет! Даже воспоминаний нет. Занятый заботами по устройству свадьбы он мчится из города домой, в родной кишлак. Вот речка, где с детства купался и ловил рыбу. Старый мост с которого, в юности нырял в воду За мостом кишлак. Сквозь зелень садов и виноградников просвечиваются шиферные крыши домов и возвышается высокий минарет. Вот он едет по узкой улице между серыми глинянными дувалами. Въезжает в широко распахнутые резные ворота. Идёт по двору своего большого и красивого дома.

Народу полным-полно Все его почтительно приветствуют, кланяются, приложив руки к груди, одобрительно шепчутся. Вот заиграли карнаи и сурнаи. Из дома вышли принаряженные женихи и невесты. Абдурахмон вместе с женой Гульрух и другими аксакалами из числа родственников благославляют молодых, которым в полдень назначена регистрация в ЗАГСе районного центра. После чего молодожёны прогуляются по «Аллеё Независимости», возложат цветы на мраморные плиты со списками погибших героев войны. И вернувшись в кишлак обвенчаются в новой мечети.

Приготовления к тою, к вечернему торжеству идут полным ходом. Друзья и близкие нарезают янтарную морковь. Мясники режут и освежёвывают баранов. Повара разводят огонь под двумя трёхпудовыми казанами. Чайханщик окружённый батареями лазурных чайников с изображениями хлопчатника заливает воду в огромный медный самовар. Кстати, старшие сыновья, Абдурахмона, которых все считали пропавшими,

объявились и тоже приехали на свадьбу. Вон они, выгружают из отцовской машины мешки с рисом. И Валентина тоже здесь. Она вместе с Гульрух готовит салаты гостям. Весь кишлак придёт на свадьбу его детей. Поэтому угощения должно быть много, чтобы всем хватило... И не беда если кому-то, как это обычно случается, захочется унести что-то домочадцам, которые не смогли поучаствовать на свадебном пиршестве. Пускай уносят и поедят, как следует. Ведь они все близкие и родные ему люди. И он гулял на их семейных торжествах. Сегодня наступил его черёд возратить свой долг перед односельчанами, долг перед своими детьми и он этот долг с достоинством возвращает. Так издревле поступали его предки.. Такова традиция на этой благословенной земле. На земле, где он родился, где женился, где вырастил шестерых детей и где умрёт. И похоронят его на этой же земле на старом родовом кладбище рядом с отцом, с матерью, рядом с дедами и прадедами. И когда придёт срок сюда же придут и его дети и дети его детей. И так будет всегда...

Ночь отступила. Чёрное небо окрасилось в фиолетовые тона. Одна за другой погасли звёзды. Призрачно засинел снег. Налетел пронзительный ветер, закачались и зарокотали деревья, загалдели вороны. Тайга пробу - дилась...

У подножья сопки, среди побитых лиственниц и елей раненным зверем лежал КАМАЗ цвета хаки. Сквозь проёмы ослепших окон была видна скрюченная фигура полураздетого Абдурахмона. Зажатая дверцей левая рука повыше локтя была изгрызана до костей. Измазанное кровью бородастое лицо покрылось пушистым инеем.

Вот и прошла трагическая для отдельно взятого человека ночь и наступило первое утро Нового года. Белёсое солнце лениво выползло из-за сопки и осветило таёжный посёлок. Дюжину десятков сборных коттеджей установленных на сваях, для защиты от вечной мерзлоты. На улице ни души. Люди спят свинцовым после хмельной ночи сном. В центре поселения: клуб, столовая, магазин, площадка с трибуной для праздничных выступлений. На площадке нарядная новогодняя ёлка. Вокруг вдавленные в снег сигаретные окурки, конфетные обёртки, пустые баклажки из под напитков, да обрывки разноцветных упаковок...

Абдулазиз Махмудов